

Влада Баранова

Кто и как меняет язык? (Дискуссии о языковом планировании в Калмыкии)¹

В обширной литературе, посвященной государственному регулированию языка (см., в частности, книги (Baker 1995; Cooper 1989), нет единого мнения по поводу соотношения терминов *языковая политика* и *языковое планирование*. М. Раннунт указывает, что языковая политика осуществляется политиками, а планирование – специалистами (Раннунт 2004: 63). Применительно к конкретным языковым ситуациям эти термины нередко используются почти как синонимы. В данном очерке в центре внимания оказываются микроуровень языковой реформы в Калмыкии, частные меры по обеспечению языковой политики, которые я буду называть языковым планированием.

Калмыцкий язык относится к монгольским языкам алтайской семьи и распространен в России (в Республике Калмыкия, а также на территории Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей), в Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район), Кыргызстане (у озера Иссык-Куль); кроме того, небольшие группы калмыков проживают в диаспоре – в ряде стран Европы и в Америке.

Языковое планирование, как правило, сопутствует масштабным социальным изменениям. Очередной виток языкового планирования произошел в 1990-2000-ые годы, на фоне изменения языковой политики, предусматривающего расширение функциональной нагрузки титульного языка: распространение калмыцкого в законодательной сфере и административной работе, увеличение удельной доли идиома в среднем и высшем образовании и др. Конституция республики ("Степное уложение") предполагает два государственных языка, калмыцкий и русский ("О языках в Калмыцкой ССР - Хальмг Тангч", 30 января 1991, см: (Кожемякина 2003: 172); анализ калмыцкого законодательства в области языка см. в работе (Grin 2000).

Рамкой данного очерка, посвященного двум эпизодам языкового планирования в Калмыкии, являются следующие общие вопросы: кто ответственен за языковое планирование в Калмыкии? Как группа или индивид «включает себя» в число лиц, обладающих правом разрабатывать языковую реформу, и легитимизирует свое участие в языковой реформе? Насколько успешным оказывается языковое планирование и какова реакция сообщества на него? Не претендуя на ответы на эти вопросы применительно к социолингвистической ситуации в Калмыкии, ниже я кратко рассмотрю попытку

---

¹ Работа выполнена в рамках индивидуального исследовательского проекта № 07-01-138 «Преподавание родного языка и этническая идентичность сообщества» при поддержке Научного фонда ГУ-ВШЭ.

реформирования орфографии и обновление лексического состава калмыцкого языка в 1990-2000-ые годы.

Орфография

Калмыцкий алфавит менялся неоднократно; непростую историю калмыцкой письменности см., например, в работе (Биткеев 1969). Калмыцкое вертикальное письмо «Тодо бичиг» («Ясное письмо»), разработанное просветителем Зая Пандитой в 1648 г. на основе старомонгольской письменности, в 1924 году было заменено на кириллицу, в 1930 – на латиницу, а в 1937 – снова на кириллицу (Кожемякина 2003).

Для многих представителей калмыцкой интеллигенции «Тодо бичг» служит символом расцвета этнической культуры. Подобные представления поддерживаются официальным культом просветителя Зая Пандиты; в школах, как правило, висят его портреты. В 1990-ые годы высказывались предложения вернуться к вертикальному письму «Тодо бичиг»; adeпты этой идеи отмечали, что «Ясное письмо» сближает современных калмыков с высокой культурой прошлого, и, кроме того, при ограниченном числе алфавитов в мире, наличие собственной системы письма у калмыков может служить предметом гордости. Однако возвращение старокалмыцкого письма, насколько мне известно, никогда не рассматривалось всерьез на официальном уровне, поскольку издержки, связанные с переходом на неизвестную носителям языка и неразработанную в издательском деле систему письма, априори значительно превышают эмоциональные выгоды. Возможность приобщения к величию прошлого предоставляется факультативным изучением «Тодо бичг»: школьная программа предусматривает одно или два занятия, на которых детям учитель рассказывает о старокалмыцкой письменности, показывает основные принципы письма, а ученики записывают несколько слов (как правило, свои имена) на «Тодо бичг». (В национальных классах на изучение «Тодо бичг» отводится несколько больше времени; университетская программа предусматривает длительное изучение старокалмыцкой письменности.)

Основные дискуссии связаны с реформированием орфографии существующей кириллической письменности. Главные проблемы кириллической калмыцкой письменности во второй половине XX в. связаны с проблемой необозначения редуцированного гласного и нерегулярным обозначением долгого гласного (необозначение его в односложных словах). Таким образом, в калмыцком языке всегда обозначается только гласный в первом слоге, задающий сингармоническое чередование в остальных слогах; все остальные гласные в слове могут быть редуцированными (и не

обозначаться на письме), что приводит к скоплению согласных (см., например, учебное пособие (Хальмг келн 2002)).

Необходимость орфографической реформы обсуждалась в литературе начиная с 1960-х годов. Почти все исследователи отмечали необходимость обозначения на письме краткого (неясного) гласного, однако оказался вопрос о выборе графемы для шва оказался достаточно болезненным. В книге (Биткеев 1969) было предложено использовать «ъ» для слов с гласными заднего ряда, однако это предложение вызвало протест у других авторов, настаивавших на графемах «ы» и «е» для переднего и заднего ряда соответственно (Бардаев и др. 1976).

В начале 1990 годов возобладала точка зрения сотрудников академического института, предполагавшая отражение на письме долгих гласных и обозначение редуцированных гласных гласными полного образования (*ы, и, е*). Подобная орфографическая система была бы зрительно ближе к современной монгольской письменности. Б. Корнусова отмечает, что все периодические издания на калмыцком языке начали публиковать часть своих материалов с применением новой орфографии; были переписаны вывески в государственных учреждениях и общественных местах, а учителя прошли курсы переподготовки (Корнусова 2005: 127). В 2000 г. вышел букварь в новой орфографии (Оюн түлкүр 2000) и в 2001/2002 учебном году ученики первых классов начали изучать калмыцкий язык по этому пособию², однако в середине года пришлось отказаться от эксперимента из-за активного сопротивления школьных учителей и сотрудников университета, подчеркивавших, что обозначение долгих гласных на месте исторических долгих не отвечает нормам современной калмыцкой орфоэпии, а написание «ы» и «е» на месте редуцированного гласного приведет к тому, что дети станут произносить калмыцкие слова так, как они пишутся.

Это беспокойство не лишено оснований, поскольку большинство учеников приходят в школу, не владея идиомом. В условиях языкового сдвига письменная норма приобретает особое значение. Фонетические изменения последнего времени можно рассматривать в контексте предыдущей орфографической системы: в частности, в кириллической письменности, введенной в 1937 г., не обозначается неясный гласный, и согласно проведенному в поселке Ергенинский эксперименту, неясный гласный находится в процессе утраты фонологического статуса (Выдрина 2007). По-видимому, закономерное изменение языка в данном случае существенно ускорено письменной нормой.

Словарная работа

---

² Эти невостребованные учебные пособия сейчас хранятся в школьных библиотеках.

Другое направление языкового планирования, вызвавшее споры в Калмыкии, - это пополнение словаря и замена заимствованной лексики. Если реформа графики и орфографии калмыцкого языка имеет, как показано выше, долгую и запутанную историю, и практически каждое значимое историческое событие приводило к смене алфавита, то словарный состав языка не становился предметом специальных постановлений до недавнего времени.

В калмыцком языке, как и во многих других языках на территории бывшего СССР, число заимствований из русского языка (включая в эту группу интернационализмы, попавшие в калмыцкий язык через посредство русского) достаточно высоко. Заимствовалась, прежде всего, общественно-политическая и техническая терминология, названия новых для кочевников предметов обихода, растений, пищи и т.д. Частотная лексика образует группу оформленных заимствований, подчиняющихся фонетическим и морфо(но)логическим нормам современного калмыцкого языка (например, многие русские заимствования с «н» в корне склоняются как калмыцкие слова с падающим в косвенных падежах «н»: *маши-н* 'машина-NOM' – *маши-гар* 'машина-INSTR' как *мөр-н* 'лошадь-NOM' – *мөөр-иге* 'конь-ACC').

Лексика, в отличие от грамматики, нередко является предметом металингвистической рефлексии носителей; использование заимствований осознается и так наз. «наивными носителями», не замечающими, например, синтаксической интерференции доминирующего языка. (Отчасти в силу бóльшей «осознанности» лексика в несколько бóльшей степени, чем другие уровни языка, «поддается» языковому планированию).

Представители калмыцкой интеллигенции нередко достаточно болезненно относятся к заимствованиям и оценивают изменения лексического состава как ухудшение или даже симптом скорого исчезновения языка. Ответственность за высокий процент русских заимствований некоторые информанты возлагали на калмыковедов советского времени:

Вот эти вот неофиты, они – «зачем мы будем где-то брать, новые слова учить, все из русского языка возьмем». Вот Павлов умер, переиздали его работы – у него все идет – медичка – медичка, пионерка – пионерка... Язык превратился в новояз (ВПС, м, 1947).

Представление об инновациях в лексике в результате злокозненного влияния отдельных ученых соответствует идее возможности такого же волюнтаристского изменения словаря в настоящее время. Как правило, большинство информантов считают

возможным влиянием на язык и «очищение» идиома от заимствований. Многие представители гуманитарной интеллигенции видят выход из создавшейся ситуации в привлечении слов из эпоса «Джангар» и материала близкородственных языков.

В 1990 годы начались контакты калмыков с ойратами Китая – близкой языковой и этнической группой, являющейся, по некоторым классификациям (и по мнению части калмыков), калмыками. Расселение на новые земли и разделение ойратов и калмыков произошло в XVII в. и с этого времени группы не контактировали; для ойратов Синьцзян Калмыкия обладала, по-видимому, романтическим ореолом земли Джангара. Как рассказывал один из информантов: *Это наша давнишняя места была – приехать в Элисту, Калмыкию, посмотреть, потому что мы родственники, вроде как один народ (...) И для них (калмыков. – В.Б.) тоже было очень интересно. Они тоже, неверное, очень соскучились (...) И время было такое, 92 год, два года после распада Советского Союза, такой дух... возрождение национальной культуры* (НС, м, ок. 50 лет, живет в Элисте, родился в Китае).

Сейчас контакты с различными группами зарубежных калмыков, в первую очередь с ойратами, чрезвычайно востребованы в Калмыкии. В Китай отправляются делегации из Калмыкии, а несколько студентов из Синьдзяна обучаются на тибето-монгольском отделении Калмыцкого государственного университета; кроме того, недавно было создано китайско-калмыцкое отделение.

Два уроженца Синьдзян-Уйгурского автономного района Китая в 1990-ые годы переехали в Калмыкию; один из них возглавил Терминологическую комиссию при Президенте РК. Они предлагали вводить необходимую новую терминологию и заменять заимствования из русского языка старомонгольскими формами или лексикой из языка ойратов Китая (сохранивших старые корни или использующих китайские заимствования). Новая терминология вводилась через газету «Хальмг Үнн», были опубликованы медицинский, животноводческий, словарь спортивных терминов и некоторые другие специальные двуязычные словари, переиздан основной калмыцко-русский словарь.

Реакция сообщества

Как правило, информанты обсуждают лексические инновации; орфографическая реформа затронула, в первую очередь, специалистов – преподавателей калмыцкого, журналистов и т.д., тогда как изменение словаря (прежде всего, обиходной лексики, а не спортивной или животноводческой терминологии) привлекло внимание всех носителей калмыцкого языка. Новые слова становятся известны сообществу прежде всего через школу:

Инф1: Вот «ширя» («стол»), а мы, например, и не знали.

Инф2: Нас родители всегда учили: «Э! столас доран ке» – ноги убери со стола! Но никогда «ширя» нам не говорили.

Соб.: А откуда вы сейчас знаете?

Инф1: Ну, дети же учатся. Племянники, племянницы – просят помогать. Приходится сидеть – со словарем сидим, проверяем, смотрим. Какие слова мы знаем – переводим, а какие со словарем.

Инф2: Очень сложно у нас стало (Инф1 – ИГ, ж, 1958; Инф2 – ТЯ, ж, род. в Сибири, зап. в пос. Ергенинский).

Почти все информанты рассказывали, как, помогая детям выполнять домашние задания по калмыцкому языку, обнаруживали, что не знают «правильных» слов. Иногда нужной лексикой не владеют и преподаватели-калмыковеды: *Я помогаю дочери делать задания (по калмыцкому языку. – В.Б.), потому что много слов новых, например, лимон, ищем в словаре – оказалось, что лимон у нас «нимбя» (ББД, ж, 1974, учитель калмыцкого языка и литературы).*

Многие информанты негативно отзывались о школьном преподавании калмыцкого языка в целом, поскольку в результате у них остается чувство, что дети учат не язык родителей, а бессмысленные списки непонятных слов.

Вот берут тему – животные, и миллион этих животных, все эти не упомнишь, даже на русском не знаешь, что есть. Или овощи-фрукты. Невозможно все запомнить, вот я лично даже огурцы и помидоры не могу вспомнить. Там идут переводы – вот такой огромный список слов: банан, авокадо-мавокадо, кому оно надо! Есть много слов заимствованных, можно так и оставить (ЕНБ, ж, 1957, Ергенинский).

Нередко родители достаточно резко отзываются о языковой политике в целом: *Язык как сложился – так сложился, и менять его не надо (А., ж, 1972, г. Элиста).*

В отличие от профессиональных калмыковедов, ратующих за обновление словаря и замену русских заимствований, «простые носители» достаточно негативно воспринимают изменения лексического состава. Русские заимствования не оцениваются ими как недостаток языка, а нередко и не осознаются как таковые. Кроме объективных неудобств, связанных с запоминанием новых слов, информанты испытывают беспокойство из-за внезапной изменения компетенции в родном языке. Особенно это характерно для людей среднего возраста, чье знание калмыцкого языка и так может быть не полным.

Часть новой лексики, имеющая словообразовательные параллели и однокоренные слова в языке фольклора, не воспринимается ими из-за ограниченного владения калмыцким языком. Кроме того, неполное, по сравнению со старшим поколением, знание калмыцкого языка вызывает у информантов среднего возраста неуверенность, которая усиливается при столкновении с материалом языковой реформы.

***

Хотя реформа орфографии может повлечь более серьезные изменения в языковой системе, чем обновление словаря, большинство носителей калмыцкого языка почти не интересуются письменностью, тогда как лексические инновации последнего времени широко обсуждаются в сообществе. Напротив, группы, профессионально связанные с калмыцким языком (учителя, преподаватели университета, методисты), негативно восприняли орфографическую реформу и, создав общественное мнение, смогли приостановить ее реализацию, несмотря на уже потраченные средства на переподготовку учителей и издание новых учебников. В то же время многие представители калмыцкой интеллигенции скорее положительно восприняли изменения словаря: в отличие от «простых носителей», считающих, что «их» слова заменяют «новыми» словами, калмыковеды нередко воспринимают лексические замены как «восстановление» исконной лексики, утраченной в результате русификации.

Материалы интервью показывают, что «простые носители» сталкиваются с языковым планированием преимущественно через школу; все остальные каналы распространения инноваций (газеты, журналы, вывески и т.д.) практически не упоминались информантами.

Школа упоминается и всеми авторами языковых реформ и используется для легитимизации тех или иных предложений: «Современная орфография калмыцкого языка настолько трудна, запутана и противоречива, что она становится препятствием для изучающих калмыцкий язык, особенно для учащихся школ»; обозначения долгих гласных «требует прежде всего школа, когда обучение родному языку осуществляется почти через письменные источники, а не через посредство живого разговорного языка» (Бардаев и др. 1976: 160-163). Отмечу, кстати, что инициаторы приостановления реформы также апеллировали к интересам школьников и опирались на анкетирование учителей (Харчевникова 2007).

Как отмечает К. Бейкер, в условиях нарушения языковой трансмиссии в семье ответственность за поддержание числа говорящих на миноритарном языке падает на двуязычное образование (Baker 2003: 96).

Литература

- Бардаев и др. 1976 – Э. Бардаев, М. Монраев, Н. Убушеев. К вопросу об усовершенствовании калмыцкой орфографии // Вопросы грамматики и лексикологии калмыцкого языка. М., 1976. С. 156-164.
- Биткеев 1969 – Биткеев П.Ц. Проблемы графики и орфографии современного калмыцкого языка. Элиста, 1969.
- Выдрина 2007 – Выдрина А. К вопросу о фонологическом статусе неясного гласного в калмыцком языке // Проблемы исторического развития монгольских языков. Материалы конференции. СПб., 2007. С. 36-43.
- Кожемякина 2003 - Кожемякина В.А. Калмыцкий язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2 / Отв. ред. МакКоннел Г.Д., Михальченко В.Ю. М., 2003. С.168-182.
- Корнусова 2005 – Корнусова Б. Языковое планирование в Республике Калмыкия // Сохранение и развитие языков: языковое планирование в Европе и России. Материалы международного семинара (28-29 сентября 2004). Элиста, 2005. С. 121-132.
- Раннут 2004 – Раннут М. Пособие по языковой политике. Таллинн, 2004.
- Харчевникова 2007 – Харчевникова Р.П. Орфография калмыцкого языка и изменение языковых норм // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2007. С. 54-60.
- Оюн тѳлкѳр 2000 – Кичгѳ тѳлѳ, Асира Нина. Оюн тѳлкѳр. Элесте, 2000.
- Хальмг келн 2002 – Бадмаева Г.Э, Дораева Р.П. Хальмг келн. 1 класс. Дегтр. М., 2002.
- Baker 2003 – Baker C. Education as a site of language contact // Annual Review of Applied Linguistics. 2003, № 23. P. 95–112.
- Baker 1995 – Baker C. Foundations of bilingual education and bilingualism. Bridgend: Multilingual Matters, 1995.

Cooper 1989 – Cooper R. L. Language Planning and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Grin 2000 - Grin F. Kalmykia: from oblivion to reassertion? // European Centre for Minority Issues, Flensburg, Germany. ECMI Working Paper #10. October 2000.

http://www.ecmi.de/download/working_paper_10.pdf